

Е.Н.Петухова

ИСТОРИЯ ОДНОГО ОСТРОВА В САТИРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ (ЕВГ.ВОДОЛАЗКИН «ОПРАВДАНИЕ ОСТРОВА»)

Сатирический роман, стилизованный под летописную хронику, повествует об истории вымышленного государства с момента его крещения до современности. Несмотря на разноречивые интерпретации автора и некоторых критиков, в Острове легко узнаются черты прежде всего России. Роман, пронизанный многочисленными историческими и литературными аллюзиями, имеет точки пересечения с предыдущими произведениями Евг.Водолазкина — «Лавром» и «Авиатором» и вписан в широкий литературный контекст. Литературные первоисточники, весьма прозрачные, трансформируются, пародируются, десакрализируются, что является приметой постмодернистского текста, как и жанровая размытость. Анализ показал, что абсурдизация исторической действительности достигается хронологическими смещениями, гротескным изображением персонажей — правителей Острова, наслоением / совмещением в них различных прототипических и вымышленных черт, перевертышами реальных ситуаций и фактов, введением фантастических / мифологических элементов, интонаций, переходящей от иронической к саркастической. Особенность романа и в том, что автор попытался соединить сатирическое изображение с размышлениями о времени в его метафизическом понимании, о вечности, о смысле исторических процессов, о роли Бога в исторических судьбах. Философский план романа реализован в параллельном сюжете о бессмертной княжеской чете — праведниках Острова, которые спасают его от Апокалипсиса. Финал романа можно рассматривать и как благоприятный прогноз, и как желаемую судьбу, и как предостережение, поскольку «история продолжается».

Ключевые слова: Водолазкин, Остров, история, сатира, литература, персонаж, контекст, повествование, аллюзия

В многочисленных откликах и рецензиях «Оправдание Острова» определяют и как притчу, и как философский роман, и как антиутопию, и как сатирический исторический роман, и как фэнтези. Это неудивительно, так как в романе можно найти признаки нескольких жанровых разновидностей, что, как справедливо отмечено, «отражает общие тенденции в развитии литературы: размытость жанровых границ, многообразие форм выражения авторской позиции, включение элементов пародии в произведения практически всех жанров» [1]. Последнее особенно характерно для постмодернистских произведений. В плане основного реализованного пафоса очевидно, что «Оправдание Острова» — сатирический роман, а по структуре это историческая хроника, в которой повествуется об истории существования и развития с момента крещения до современности некоего вымышленного государства, воплощающего весьма узнаваемые черты преимущественно одного реального государства — России. Государство и стало главным персонажем романа. В разных, довольно противоречивых интервью автор заявлял, что «не стоит искать в изображаемом Острове черты России, Запада, Византии — это модель общеевропейской истории <...>. Остров — он как бы ни с чем не связан и может быть моделью целого мира» [2], а выведенный в романе народ — «это народ, который соединяет немножко византийцев, немножко русских, немножко французов, немцев, американцев» [3]. Однако из текста это никак не следует, да и вряд ли такое возможно. Народ фигурирует в качестве манипулируемой толпы, не имеющей определенных национальных черт, имена персонажей при этом в большинстве православные. История Острова, вроде, персонифицирована в его правителях, однако создано впечатление некой ее фатальности: никто не знает, когда и почему «лопнет струна». Цепь представленных исторических событий не оставляет сомнений, что подразумевается Россия: крещение, княжеская междоусобица, длительное иноземное владычество, становление государства, имперский период, деятельность террористов-революционеров, Великая Островная революция, построение светлого будущего, трудовые лагеря, реформы, становление капитализма со всеми его издержками. Остров в романе, конечно, не географическое понятие, это многосмысленная метафора государства: при желании можно интерпретировать его как изолированное или как особое, или как модель не мира, но эксперимента, элементы которого наблюдались в разных местах мира. Многочисленные исторические аллюзии, присутствующие с хронологическими смещениями, допускают различные толкования. Например, Галина Юзефович считает, что «на ранних этапах своего существования Остров более всего похож не на Россию даже, но на Византию. Сложные политические вопросы решаются здесь с истинно константинопольской жестокостью и коварством, а среди героев читатель без труда узнает клонов известных персонажей византийской истории. Так, несимпатичный регент Юстин очевидно списан с императора Юстиниана, его жена Гликерия наделена многими чертами императрицы Феодоры <...>, а в благородном градоначальнике Амвросии, по приказу Юстина изгнанном из столицы и ослепленном, можно различить черты великого византийского полководца Велизария. По мере приближения к эпохе модерна Остров приобретает сходство с захудалым государством Южной Европы: цивилизация из внешнего мира просачивается сюда преимущественно в виде заморских вторжений...» [4]. Сходство с «захудалым государством Южной Европы» критиком никак не подтверждается, а главное — не просматривается в тексте. Что касается Византии, то, конечно, не любой читатель, а лишь сведущий в ее истории может увидеть параллели, на них в числе прочих подсказок неоднократно указывал сам Водолазкин: «Есть там отсылки

к “Повести временных лет”. Есть византийские сюжеты, которые я взял из “Хроники Георгия Амартола”, из “Истории франков” Григория Турского и так далее. Есть и полностью придуманные сюжеты» [3]. Если автором и взяты византийские сюжеты, то они перенесены на русскую почву.

Роман имеет пересечения и с «Лавром», и с «Авиатором», и одновременно вписан в широкий литературный контекст. Русский контекст — это, прежде всего, «История одного города» Салтыкова-Щедрина и стихотворная сатирическая «История от Гостомысла до Тимашева» А.К.Толстого. «Палисандрия» Саши Соколова также являет опыт сатирического изображения прошлого, но в ограниченных временных рамках: недавнего советского периода. Гротескная форма выражения тотального отрицания, которая у Соколова оказывается зачастую за гранью этических норм, представлена и в романе Водолазкина. В качестве одного из импульсов к идее можно вспомнить и «Остров Крым» В.Аксенова; гораздо более дальний временной контекст — древнерусские летописи; зарубежный — сатирический «Остров пингвинов» А.Франса об истории Франции, а сквозной мотив потерянного пророчества о судьбе Острова, в древние времена якобы продиктованного летописцу, по мнению ряда критиков, «приближает “Оправдание Острова” к детективу в духе “Имени розы” Умберто Эко» [5], хотя примет детективного расследования в романе нет, а упоминаний о пророчествах достаточно во многих древних текстах. Некоторые читатели увидели связь романа Водолазкина также с «Возможностью Острова» Мишеля Уэльбека, что уже явная натяжка. Помимо того в тексте множество литературных отсылок: например, в ироническом ключе пересказываются для иллюстрации ситуации или ее комментирования басни Крылова «Ворона и лисица» и «Квартет», травестируется сюжет пушкинской «Песни о вещем Олеге», вписывается в контекст чеховский звук лопнувшей струны. Частотны обращения к русскому фольклору: в текст включено немало пословиц и поговорок, неоднократно цитируется Библия. Подобная литературная перенасыщенность местами превращает текст в несложный ребус — примета постмодернистского текста, как и поверхностность «литературности»: не столько преемственность, наследование традиции, впитывание ее, сколько мозаика, трансформация, пародирование и десаκραлизация легко узнаваемых первоисточников.

Что касается исторического контекста, то в большей степени исторические / политические аллюзии и параллели должны быть понятны историкам, однако некоторые лежат на поверхности. История Острова предстает цепью ошибок, преступлений, мятежей, революций, войн, изображенных сквозь призму сатиры. По мере приближения к современности сатирический градус повышается, это особенно заметно в главах о террористах-бомбистах — подразумеваются народовольцы. Так, получивший прощение раненный бомбист, совершивший очередное покушение на праведную княжескую чету, в ответ на реплику доктора, что теперь уж он их не взорвет, уронив слезу, заявляет: «Взорву». «Что прискорбно: злодеев в *прогрессивных* кругах (курсив Водолазкина) надлежало называть не злодеями, но борцами за лучшую жизнь. В чем эта жизнь состояла, а главное — чем была плоха нынешняя, никто, включая означенных борцов, не знал. Может быть, поэтому борцы перестали говорить о лучшей жизни и заменили ее на новую. В том, что она будет лучшей, тогда усомнились многие, в том же, что она будет новой, не сомневался никто» [6, с. 154]. В пародийном описании Октябрьского восстания в образе его предводителя Касьяна угадываются аллюзии на Ленина: Касьян был «лыс и зол» и с пламенной речью к толпе обращался «на империи трамвая». Он становится правителем Острова, и «начались большие перемены». «Они могли бы быть еще больше, если бы Касьяну удалось казнить княжескую чету, как ему мечталось. В первом же обращении к гражданам Острова, объявив о воцарении нового, он незамедлительно перешел к старому. Не называя имен, Касьян сообщил островитянам, что к только что рожденной новой жизни тянутся костлявые руки прошлого, которые следует обрубить» [6, с. 205]. Портреты следующих правителей Острова становятся все более гротескными, причем в каждом портрете совмещены трансформированные и шаржированные черты разных прототипов — принцип исторического анахронизма выдержан автором последовательно. Так, Касьяна отличает пристрастие к автомобилям, любимый — роллс-ройс, и здесь историческая пародия совмещается с пародированием литературных сюжетов. Председателю предсказана смерть от роллс-ройса, он отправляет автомобиль на хранение в гараж и, однажды навестив уже разрушенный роллс-ройс, умирает от укуса змеи, выползшей из-под капота. На этот пародированный пушкинский сюжет нанизывается другой. Свидетелем смерти председателя был всего один человек: его правая рука Маркел, по словам которого, ужаленный Касьян в пространной предсмертной речи назначил его преемником. Окружающие усомнились, что змеиные укусы столь кровавы, ведь из уха председателя вытекло много крови. «Услышав это, Маркел возразил, что речь шла об автомобильной змее, самом ядовитом виде змей, обитающих, как всякому известно, под крышкой капота» [6, с. 228]. Здесь просматривается связь с шекспировским сюжетом из «Гамлета», в частности, с эпизодом разыгранного представления об отравлении короля, когда ему вливают в ухо яд. Деятельность Маркела: изъятие излишков у крестьян, голод, создание трудовых лагерей, — соотносится со сталинской, хотя автор врывается в повествование и вымышленные сюжеты, например, обращение Маркела за помощью к Парфению и Ксении, что, впрочем, может намекать на смягчение отношения к церкви во время Великой Отечественной войны, хотя описанная гражданская война на Острове ассоциируется с ней не предполагает. В изображении череды правителей и описании их действий очевидно следование, даже копирование, приемов Салтыкова-Щедрина: автор постоянно прибегает к гротеску, фантастическим допущениям, прямо использует сюжеты «Истории одного города». Так, Маркела обуял страх лишиться головы, так как в Храме Светлого Будущего с его изображения регулярно осыпалась голова: «...начали замечать, что Маркел то и дело касался своей головы, как бы проверяя ее наличие <...>. Теперь он

старался лишний раз не крутить головой и поворачивался всем телом. <...> Открыв свои опасения начальнику охраны Власу, которому доверял как себе, Маркел обязал его быть при нем неотлучно на случай, если голова начнет отделяться <...> входя в любое помещение, Председатель Острова первым делом требовал зеркало, чтобы удостовериться в том, что голова на месте» [6, с. 262]. Узнаваемы как салтыковский сюжет с «органчиком» из «Истории одного города», так и булгаковский мотив утраты головы Берлиозом и Бенгальским. Однажды зеркала в кабинете не оказалось, и Маркелу почудилось, будто его голова начала отделяться от тела, Влас, впоследствии уверявший, что так и было, стал принимать меры по «спасению»: поворачивать голову против часовой стрелки, — Председатель умер. «Когда его спросили, говорил ли покойный что-то перед смертью, начальник охраны ответил, что говорил <...>. Это было благословение ему, Власу, занять пост Председателя Острова. Знаменательные слова были произнесены в последнее мгновение» [6, с. 263]. Салтыковская традиция обнаруживается и в широком использовании сказочного, фантастического материала. «Фантастический элемент всего сильнее представлен у Щедрина там, где он имел своим назначением одновременно обнажение сущности явлений, живописание, осмеяние и иносказание» [7], у Водолазкина налицо осмеяние и иносказание. Сатирическому освещению подвергаются внешний облик правителей и наиболее известные факты их деятельности и смерти, реальные или мифические (вроде неестественной или нелепой смерти почти всех правителей). Например, главной заботой Власа, имевшего два класса церковно-приходской школы, стало сельское хозяйство, особое значение он придавал — не кукурузе, как его прототип, — а пчеловодству. В конце концов, ощутив себя пчелой, он попытался взлететь с балкона и разбился. С Власа в хронике «смешались в кучу кони, люди». Непутевая дочь Власа Мелисса сбежала с фокусником Вальдемаром, который имел дар «распиливать не помощниц, а островную казну». После гибели отца Мелисса стала Председательницей, а Вальдемар вскоре бежал на беспокойный Юг Острова и вместе с бунтовщицей Варварой начал войну против Севера. Потерпев поражение, Варвара, переодетая в мужское платье, бежит на Большую землю — следует понимать на Запад. В последних главах повествование ускоряется, события следуют с калейдоскопической быстротой. На Острове проводятся реформы, безошибочно ассоциируемые с 90-ми годами XX века: усиливается иностранное влияние, внедряются иностранные компании и советники, проводятся выборы президентов, ими поочередно становятся карикатурные персонажи, воплощающие черты сразу нескольких реальных лиц из разных эпох то в женских, то в мужских образах.

Абсурдизация исторической действительности достигается, таким образом, хронологическими сдвигами, гротескным изображением персонажей, наложением / совмещением в них различных прототипических и вымышленных черт, перевертышами реальных ситуаций и фактов, введением фантастических / мифологических элементов, а также интонаций, переходящей от иронической к саркастической. Повествование идет от лица нескольких сменяющих друг друга летописцев — прием, использованный автором неоднократно, так что можно говорить о самоповторе. В романе «Авиатор», например, три повествователя. Кроме летописцев, появляются повествователи-комментаторы: проходящие через все времена Парфений и Ксения, праведная княжеская чета, их текст выделен графически. Повествование летописцев о жизни княжеской четы выдержано в стиле жития святых, особенно явно в главах об их детстве. Летописцы ведут хронику, а Парфений и Ксения вспоминают и поочередно комментируют описанные в ней события с высоты своих 347 лет. Об истории Острова и о своей личной судьбе они также беседуют в современном Париже (избежавшем сатирического освещения) с выдающимся французским режиссером, который снимает о них фильм, — это уже третий сюжет. Надо отметить, что Парфений и Ксения изрекают довольно много «ходячих истин», которые должны свидетельствовать о мудрости княжеской четы. Например, князь Парфений в комментарии пишет, что «история учит тому, что все повторяется — в том или ином виде» [6, с. 268] или, что в детстве время течет медленно, а с годами оно ускоряется. Тем не менее, главы от Парфения и Ксении вносят философскую струю в роман, в них сходит на нет сатирическое начало, остается грустная ирония, и появляется лирическая интонация — таким образом, в романе соположены две вполне автономные повествовательные манеры: сатирическая и лирико-философская. Лучшие в романе — главы средневековой хроники: повествование монахов развивается спокойно и бесстрастно, в неспешном летописном стиле, но уже с вкраплениями замечаний иронического характера. «Князь Евфимий объявил, что нашел свое родословие, которое доказывает происхождение от великого римского императора Августа, побывавшего на Острове, в дупле дуба. Правящий князь Константин усомнился, заметив, что кожа хартии с родословием необыкновенно свежа <...>. Объяснения Евфимия Константин счел невнятными, и тот был заточен в монастырь». Затем Константин якобы нашел свое новое родословие в дупле того же дуба — «Евфимий объявил, что обшарил дуб со всем тщанием, но больше в нем ничего не было. Возражений его, однако же, никто за пределами монастыря не услышал, ибо по прошествии двух дней князь Евфимий скоропостижно скончался» [6, с. 17]. Автор использует в новом романе, в отличие от «Лавра», преимущественно современную лексику, с включением архаичных слов, словосочетаний и библейских цитат. Стилизация летописного повествования осуществлена, прежде всего, за счет синтаксических средств: построения фраз, особенностей межфразовой связи, порядка слов и пр. Водолазкин отметил в интервью, что «летописный стиль в «Оправдании Острова» распространяется не только на средневековую часть, но и на современную» [8]. В целом ему удалось выдержать летописный стиль и совместить его с сатирическим изображением, однако в главах о новейшей истории, ближе к финалу, используются лексика и речевые клише современных СМИ, интонация отмечена скороговоркой, описания утрачивают летописную детальность: «Так, континентальные газеты, словно по команде, начали выражать

сомнение в демократичности устройства островной жизни. Варвару стали обвинять в том, что она предпочитает разговаривать на языке ультиматумов. Недемократичным признавалось и отчуждение частной собственности в пользу государства. *Грабительское отчуждение* (курсив автора), написали, словно под копирочальную бумагу, газеты» [6, с. 371].

В финальных главах начинаются смертоносное извержение дремавшего вулкана и землетрясение, выразительно описанные автором как Апокалипсис, постигший Остров, вероятно, за грехи. Праведники Парфений и Ксения поднимаются на Гору для разговора с Ним, то есть, с Богом, и отмаливают Остров. «И воцарились <...> мир и любовь, и все на Острове примирились друг с другом в надежде, что дни их продлятся» [6, с. 404]. Автор, таким образом, предлагает утопически-благостный вариант завершения истории Острова, точнее, его предыдущего трагического периода, замечая, что на этом «история не кончилась <...> история продолжается — пока» [6, с. 404]. Финал можно интерпретировать как благоприятный прогноз или как желаемую судьбу, в то же время для Острова не исключается и вероятность трагического исхода в будущем, о чем свидетельствуют слово «пока» и понимание пережитого Апокалипсиса как «последнего предупреждения». Примечательно, что, выполнив свою миссию, Парфений и Ксения не возвращаются с Горы. Отмоленный Остров подписывает мирный договор с Францией, причем остается непонятным, почему с Францией: если это метонимия Запада, то в романе в этом значении упоминались Большая земля или Континент. Вечные князья у Водолазкина — персонажи загадочные: их можно рассматривать в качестве неумирающей души Острова, его святых, ангелов-хранителей, заступников. Одновременно они — рупор автора, выражающие его размышления об истории, о природе времени. Произведение во многом достаточно противоречиво, противоречивы и объяснения автора. В одном из интервью он говорил: «С одной стороны, осмысление хода истории действительно составляет суть романа, с другой — не можем же мы знать мысли Бога, и Его видение истории остается для нас тайной» [9]. Осмысление хода истории — слишком амбициозная задача, в романе предложена разве что заявка. Перед нами пародированная история в ее *внешних* (курсив мой — Авт.) проявлениях. И.С.Тургенев о сатире Салтыкова-Щедрина писал: «Существует два вида карикатуры: одна преувеличивает истину, как бы посредством увеличительного стекла, но никогда не извращает полностью ее сущность, другая же более или менее сознательно отклоняется от естественной правды и реальных соотношений. Салтыков прибегает только к первому роду, который один только и допустим» [10], — в «Оправдании Острова» присутствуют оба рода. Кроме того, писатель попытался соединить сатирическое изображение с серьезными размышлениями о времени в его метафизическом понимании, о вечности, о смысле исторических процессов, о роли Бога в исторических судьбах народов — этот аспект произведения требует отдельного рассмотрения. Думается, что такие важнейшие вопросы, как постижение глубинных исторических процессов в их развитии, раскрытие истинных мотивов действий и поступков исторических персонажей, все же предполагают другой жанр.

1. Гордович К.Д. История отечественной литературы XX века. СПб.: Петербургский институт печати, 2005. С. 287.
2. Бугулова И. Остров сокровищ [Электр. ресурс] // Российская газета. 26.11.2020, № 269(8323). URL: <http://g.ru/2020/11/26/evgenij-vodolazkin-rasskazal-o-svoem-novom-romane-opravdanie-ostrova.html> (дата обращения: 10.08.2021).
3. Лащева М. Мы поговорили с писателем о возвращении к Древней Руси после «Лавра», уроках Лихачева и понимании вечности [Электр. ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2020/12/15/izmenilos-oschuschenie-boga-i-vremeni> (дата обращения: 12.09.2021).
4. Юзefович Г.Л. Евгений Водолазкин. Оправдание Острова. М.: Аст: Редакция Елены Шубиной, 2020 [Электр. ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2020/11/28/opravdanie-ostrova-vyhodit-novyy-roman-evgeniya-vodolazkina> (дата обращения: 05.09.2021).
5. «Оправдание Острова»: что нужно знать о новом романе Евгения Водолазкина? [Электр. ресурс] // ЛитРес. 21.01.21. URL: <https://journal.litres.ru/opravdanie-ostrova-chto-nuzhno-znat-o-novom-romane-evgeniya-vodolazkina/> (дата обращения: 18.11.2021).
6. Водолазкин Е.Г. Оправдание Острова: роман. М.: Аст: Редакция Елены Шубиной, 2021. 405 с.
7. Бушмин А.С. Салтыков-Щедрин. Искусство сатиры. М.: Современник, 1976. С. 111.
8. Лащева М. «Мы планируем жизнь по минутам, а в Средневековье даже не было часов»: Евгений Водолазкин о времени, вечности и новом романе [Электр. ресурс] // ForbesLife. 19 ноября 2020 г. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/414097-my-planiruem-zhizn-po-minutam-v-srednevekovye-dazhe-ne-bylo-chasov-evgeniy> (дата обращения: 12.09.2021).
9. Водолазкин Е., Каплан В. Как понимать «Оправдание Острова» [Электр. ресурс] // Фома. 20 марта 2020 г. URL: <https://foma.ru/kak-ponimat-opravdanie-ostrova-my-pogovorili-s-evgeniem-vodolazkinym-o-ego-novom-romane-a-zaodno-o-konce-sveta.html> (дата обращения: 15.07.2021).
10. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. Сочинения. Т. XIV. М.-Л.: Наука, 1967. С. 252-253.

References

1. Gordovich K.D. Istoriya otechestvennoy literatury XX veka [History of Russian literature of the 19th century]. St. Petersburg, 2005, p. 287.
2. Bugulova I. Ostrov sokrovishch [Treasure island]. Rossiyskaya gazeta, 26.11.2020, no. 269(8323). Available at: <http://g.ru/2020/11/26/evgenij-vodolazkin-rasskazal-o-svoem-novom-romane-opravdanie-ostrova.html> (accessed: 10.08.2021).
3. Lashcheva M. My pogovorili s pisatelem o vozvrashchenii k Drevney Rusi posle “Lavra”, urokakh Likhacheva i ponimaniyu vechnosti [We talked with the writer about returning to Ancient Russia after the “Laurus”, Likhachev’s lessons and understanding of eternity]. Available at: <https://meduza.io/feature/2020/12/15/izmenilos-oschuschenie-boga-i-vremeni> (accessed: 12.09.2021).
4. Yuzefovich G.L. Evgeniy Vodolazkin. Opravdanie Ostrova [Evgeny Vodolazkin. Justification of the Island]. Moscow, 2020. Available at: <https://meduza.io/feature/2020/11/28/opravdanie-ostrova-vyhodit-novyy-roman-evgeniya-vodolazkina> (accessed: 05.09.2021).
5. “Opravdanie Ostrova”: chto nuzhno znat’ o novom romane Evgeniya Vodolazkina? [“Justification of the Island”: what do you need to know about Evgeny Vodolazkin’s new novel?]. LitRes, 21.01.21. Available at: <https://journal.litres.ru/opravdanie-ostrova-chto-nuzhno-znat-o-novom-romane-evgeniya-vodolazkina/> (accessed: 18.11.2021).

6. Vodolazkin E.G. *Opravdanie Ostrova: roman* [Justification of the Island: a novel]. Moscow, 2021. 405 p.
7. Bushmin A.S. *Saltykov-Shchedrin. Iskustvo satiry* [Saltykov-Shchedrin. The Art of Satire]. Moscow, 1976, p. 111.
8. Lashcheva M. "My planiruem zhizn' po minutam, a v Srednevekove dazhe ne bylo chasov": Evgeniy Vodolazkin o vremeni, vechnosti i novom romane ["We plan our lives by the minute, and in the Middle Ages there were not even hours": Evgeniy Vodolazkin about time, eternity and a new novel]. *ForbesLife*, November 19, 2020. Available at: <https://www.forbes.ru/forbeslife/414097-my-planiruem-zhizn-pominutam-v-srednevekove-dazhe-ne-bylo-chasov-evgeniy> (accessed: 12.09.2021).
9. Vodolazkin E., Kaplan V. *Kak ponimat' "Opravdanie Ostrova"* [How to understand the "Justification of the Island"]. *Foma*, March 20, 2020. Available at: <https://foma.ru/kak-ponimat-opravdanie-ostrova-my-pogovorili-s-evgeniem-vodolazkinym-o-ego-novom-romane-a-zaodno-o-konce-sveta.html> (accessed: 15.07.2021).
10. Turgenev I.S. *Complete works and letters*, vol. XIV. Moscow, Leningrad, 1967, pp. 252-253.

Petukhova E.N. The story of an Island in satirical coverage (E.Vodolazkin "Justification of the Island"). The satirical novel, stylized as a chronicle, tells about the history of a fictional state from the moment of its baptism to the present. Despite the contradictory interpretations of the author and some critics, the features of Russia, first of all, are easily recognized in the Island. The novel, riddled with numerous historical and literary allusions, has points of intersection with the previous works of Evg.Vodolazkin such as "Laurus" and "Aviator" and is inscribed in a wide literary context. Literary primary sources, which are very transparent, are transformed, parodied, desacralized, that is a sign of a postmodern text, as well as genre blurriness. The analysis has shown that the absurdity of historical reality is achieved by chronological shifts, grotesque depiction of the Island's ruling characters, layering/combining various prototypical and fictional features in them, shifters of real situations and facts, the introduction of fantastic/mythological elements, intonation, passing from ironic to sarcastic. The author tried to combine the satirical image with reflections on the time in its metaphysical understanding, on eternity, on the meaning of historical processes, on the role of God in historical destinies. The philosophical plan of the novel is implemented in a parallel plot about an immortal princely couple, the righteous of the Island, who save it from the Apocalypse. The finale of the novel can be considered both as a favorable forecast and as a desired fate, and as a warning, since "the story continues".

Keywords: Vodolazkin, Island, history, satire, literature, character, context, narrative, allusion.

Сведения об авторе. Елена Николаевна Петухова — кандидат филологических наук (10.01.01), профессор; независимый исследователь; ORCID 0000-0001-7959-5841; pen9@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.08.2022. Принята к публикации 10.10.2022.

Ссылка на эту статью: Петухова Е.Н. История одного острова в сатирическом освещении (Евг.Водолазкин «Оправдание острова») // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 1(46). С. 40-44. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.1(46).40-44

For citation: Petukhova E.N. The story of an Island in satirical coverage (E.Vodolazkin "Justification of the Island"). *Memoirs of NovSU*, 2023, no. 1(46), pp. 40-44. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.1(46).40-44